

* * *

Тихим светом наполнились окна,
Сумрак кошкой ползет от двери,
Старый тополь, притихший и мокрый,
Греет листья в ладонях зари.

Первый луч пробежал по деревьям,
Глянул в окна и брызнул — в поля!
И ослабла на шее деревни
Горизонта тугая петля.

Рукомойник гремит. Пахнет мылом.
Слышен скрип дергача на лугу...
Вспоминаю — когда ж это было? —
И припомнить никак не могу.

* * *

Восходит солнце, на бугре садится,
Откидывает жаркую полу,
И золотым лучом, как тонкой спицей,
Проводит по оконному стеклу.

И в тот же миг окно течет росой,
И мне уже не спится. Не до сна!
Я половицу щупаю босою
Ногой, и половица холодна.

Крыльцо дымится утреннею влагой,
Озноб, входя неслышно под ребро,

И дрожью, и веселую отвагой
Переполняет детское нутро.

А дом уже живет, шумит и дышит.
Коня в оглобли пятят, ехать чтоб,
И, встряхивая шаль, на влажной крыше
Урчит сизарь, и раздувает зоб.

Летит солома, взрытая щенками,
Отец седелку на коня кладет,
И кто-то осторожными руками
Меня берет и через жизнь ведет.

* * *

По трубе узнают, что опара в дому
Подошла и хозяйка дрова запалила.
И петух на коньке закрутился в дыму,
И береза по плечи листву заголила,
Осветив палисад...
— Здравствуй, день, — говорю.
Сыплю птице корма, обметаю ступени,
Наливаю воды и смотрю, и смотрю
На восход, на подворье, на длинные тени,
Что от кленов-берез разбежались в луга...
Как все это до боли красиво и просто! —
И петух на коньке, и дрова, и слега,
И седая дворняга щенячьего роста,
Да и сам я...
Откуда все это взялось?
Говорят, что из взрыва какого-то... ада...
Но ведь как хорошо улеглось-утряслось!
Вот смотрю и не верю, что все это — правда.

* * *

Словно черные хлопья на фоне звезды,
Воронье в облетевших ветвях не галдит
И не чистит пера. В их глаза из слюды
Месяц, губы топыря, раскосо глядит.

Горький час полуночника... Тени в углах...
Домовой шебаршит, охраняя углы.
Что находит — ворует, хранит в зеркалах,
В голубиных глубинах из праха и мглы.

Я смотрю в эту бездну — ни зги не видать,
Только блики зрачков, от которых светло.
Я кричу в зеркала — ничего не слышать,
И тогда я дышу — не потеет стекло.

ЧЕРДАК

Бич, хомут, седло, ошейник,
Штык немецкий, медный грош,
И Бердана ствол ружейный,
Ржавый, но еще хорош...

Среди той чердачной были
От зари и до зари
На постое жили-были
Витязи-богатыри.

Я им по два раза на день
Сказки русские читал,
И точил то меч, то складень,
То доспехи им латал.

Мы на матицу садились,
Запивали хлеб водой,
И все время бились, бились
То с Кощеем, то с ордой...

А теперь не та картина.
Вроде та же, но не та!
Ленты пыли, паутина,
Ни ствола, ни хомута.

Ни седла и ни седелки,
Ни копья и ни гроша,
Только я на сером волке,
Да при мне моя душа.

* * *

Я столько разбросал камней...

Рассеивая мрак и, отрясая лист,
Морозцем первым выстелив дорогу,
Приходит срок.
Я обращаюсь к Богу
И говорю, что я душою чист.
Смотри, Господь, дела мои не громки,
Я понимаю, как непрочна нить,
И я прошу Тебя повременить, —
Дай мне дойти до той конечной кромки,
Где, ощущая время за плечами,
Прозрел бы я и начал собирать,
И, собирая, столько взял печали,
Чтобы не страшно было умирать.

БАБЬЕ ЛЕТО

1

Сухим и желтым мягко наплывая,
Сентябрь поднимает на крыло
Касатых, и они, за стайей стая,
Косым углом уходят за село,

Где нынче столько золота взошло,
Что на токах от края и до края
Стоит работа славная такая,
Такое, понимаешь, ремесло,

Что зиму всю мне после будут сниться
Обветренные лица и пшеница
В курганах на расчищенном кругу,
Осколки неба синего, сухого,
Летающее золото половы
И золотые бабы на току.

2

И золотые бабы на току,
Подолы подоткнув, косынки туго
Стянув узлами, бедрами упруго
Раскачивают жаркую тоску,

Понятную любому мужику
Настолько, что сентябрьская округа —
От риги до сверкающего луга,
Где серый кобчик дремлет не стогу —

Притихла так, что слышно паутину.
Не потому ли бабам половину
Сентябрь отдал, что, пробуя на вес,
Они, слегка на икры приседая,
Подкидывают золото Алтая
Лопатами до выжженных небес.

3

Лопатами до выжженных небес
Подкидывая золото Алтая,
На загорелых икрах приседая,
Они сентябрь пробуют на вес:

Хорош! Хорош! А после под навес
Сядутся в тень, ложбины проминая
В курганах золотых, и, распрямляя,
Обутые в сандалии и без,

Красивые, упругие, литые,
На золотом такие золотые,
Такие ноги, что прости, Господь,
Но, если правду женщина святая,
То почему она живет, рыдая...
Ты только дай мне робость побороть.

4

Ты только дай мне робость побороть,
И рядом сесть, и воздухом горячим
Омой глаза, и, если был незрячим,
Дай зренье мне, чтоб золотую плоть

Запомнить смог; вложи перо в щепоть,
Чтоб где-то после в поиске бродячем
Я этот день причислил к тем удачам,
Что только раз случаются, Господь;

Чтоб помнил, как они в какой-то муке,
В минутном сне заламывая руки,
Вбирают в грудь сентябрьский настой,
Как под телами их плывет пшеница,
И лица их, ты понимаешь, лица,
Покрытые пыльюю золотой.

5

Покрытые пыльюю золотой,
Они в село спускаются под вечер,
И в хатах темных зажигают свечи,
И кормят нас картошкой простой

Да варенцом; а он такой густой,
Что мы не видим, как они у печек
В тазах с водой, постанывая, лечат
Те золотые ноги... Боже мой,

Сентябрьская ночь так коротка,
Что не успеет занеметь рука,
Как вновь светло; ворота раскрывая,
Коровьим духом полнятся дворы,
И солнышко встает из-за горы,
Сухим и желтым мягко наплывая.